

Р. Г. Мифтахов

ПРИНЦИП «УСТОЙЧИВОГО РАВНОВЕСИЯ» ПРИМЕНИТЕЛЬНО К МЕНТАЛИТЕТУ ТАТАР ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА

Работа представлена кафедрой истории Татарстана

Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета.

Научный руководитель - кандидат исторических наук, профессор З. З. Мифтахов

Цель статьи - рассмотреть одно из основных качеств национального менталитета татарского народа XIX - начала XX в. На основе фактологического материала автор предпринял попытку выявить истоки устойчивости татарского народа, т. е. того явления, которое было сформулировано Н. С. Трубецким как «состояние устойчивого равновесия».

The purpose of the article is considering one of the main qualities of national mentality of the Tatars in the 19th century and the beginning of the 20th one. Using the factual material, the author tries to reveal the sources of stability of the Tatar people, which was represented by N. Trubetskoy as a «state of a stable balance».

«Учитывая то, что мы являемся одним из народов, населяющих Европу, а техника, экономика, изящное искусство Европы оказывают и будут оказывать на нас свое влияние, мы вынуждены принимать европейскую культуру. Для нас нет иного пути, чтобы обеспечить наше благополучие и сохранить национальную целостность. Однако мы хотим принимать европеизацию, подчинив ее своим тюркским особенностям, проведя ее через прекрасную мораль ислама; таким образом, мы стремимся стать в будущем одной из культурных ветвей мусульманского народа...»

Газета «Ил». 1914. № 32

Изучение самого понятия «менталитет», равно как и изучение характерных элементов национального менталитета какого-то отдельно взятого этноса, на сегодняшний день является одной из актуальнейших задач для ученых. В условиях активного межкультурного взаимопроникновения, активной глобализации в сторону *вестернизации*, изучение национального менталитета, как одного из основных элементов национальной культуры, играет огромную роль в сохранении последней. К тому же в России в условиях федерации, несомненно, для проведения успешной внутренней политики также необходимо считаться с национальными особенностями входящих в ее состав народов. В связи с чем актуальность данной статьи налицо.

В ней мы предпринимая попытку проанализировать такую национальную чер-

ту татарского народа, как «малоизменчивость». По нашему мнению, данная черта как историческое явление проявлялась во многих сферах как духовной, так и материальной культуры татарского народа. В статье решается вопрос, является ли «малоизменчивость» результатом культурной устойчивости или же просто выступает как следствие религиозной замкнутости и национальной «ограниченности», сформировавшейся как ответная реакция на политику насильственной христианизации.

Одним из самых распространенных гендеростереотипов о татарах в период с конца XVIII до начала XX в. является стереотип о малоизменчивости татарского народа. По мнению русских историков данного периода, татары представляли из себя сильную нацию, сумевшую сквозь столетия сохранить свое национальное, свое сокровен-

ное (К. Фукс¹, В. Ауновский², М. Лаптев³, Я. Д. Коблов⁴, П. Знаменский⁵, А. Сперанский⁶ и др.).

С одной стороны, такая малоизменчивость татар была обусловлена замкнутой, ограниченной жизнью, которая не выходила за рамки религиозной общины, не пускающей к себе ничего инокультурного, воспринимающей окружающую себя среду враждебной. На замкнутость татар указывали и авторы рассматриваемого периода⁷. Устойчивость в образе жизни татарского народа для них виделась именно как следствие религиозной замкнутости, которая проявлялась в объединенном сопротивлении всему христианскому.

Говоря о «замкнутости» татарского народа, нельзя также упускать из вида следующие факты.

Во-первых, необходимо учитывать тот факт, что в татарском народе был распространен «народный» ислам. Восприятие окружающего мира у татар было связано с их древними мифологическими представлениями, которые на каждом этапе общественного развития изменялись соответственно изменению уровня производительных сил и мировоззрения народа. И несмотря на то что мусульманская религия веками вытравляла из сознания людей все то, что исходило от их доисламского мировоззрения как противоречащее ей и не совместимое с ее догмами и каким бы толстым слоем ни наслаивалась на мировоззрение татар, она была не в состоянии свести на нет их древние мифологические представления. Татары, как и древние их предки, продолжали воспринимать окружающую действительность образно⁸. К тому же татарский народ в этот период в основе своей был сельским, а для сельского населения, как и для городских низов был характерен именно «народный ислам»⁹.

В распространении же ислама среди татар в такой форме можно видеть одну из причин устойчивости национальной жизни татар в рассматриваемый период. Так, в результате давления самодержавия татары, стремясь сохранить свою веру, препят-

ствуя всякому влиянию на свою религию, замкнули свою жизнь в рамках религиозной общины, другими словами, законсервировали ее, тем самым законсервировав вплетенные в религиозную догматику народные обычаи, традиции.

Во-вторых, сам ход исторических событий предопределил рост в татарском народе влияния религиозной общины. После XII в. в суннитском исламе «врата иджитихада» (вынесения самостоятельного суждения) «были закрыты». Был закрыт ал-иджитихад ал-мутак - абсолютный иджитихад, который принимал решение по поводу основных вопросов веры, допускался лишь иджитихад фи-л-мазхаб - в рамках правовой школы. Мусульмане следовали религиозным предписаниям, принятым муджтахидами в первые три-четыре столетия существования ислама, что получило название таклид (от *араб*, традиция, подражание)¹⁰. Вследствие чего устанавливается система религиозных взглядов с ярко выраженной авторитарной направленностью. В представлении о правоте стал доминировать фактор общности, спасения при условии согласия с большинством, сохранения порядков прошлого". Любая инициатива, любое самостоятельное суждение, любое нововведение пресекались самой общиной, так как это грозило опасностью разрушения самих основ ее существования. Таким образом, существование и усиление роли мусульманской общины (уммы) создавало благоприятные условия для развития замкнутости.

Учитывая вышесказанное, уже не должно возникать сомнения в том, что татарскому народу была характерна «замкнутость», которая сыграла огромную роль в «малоизменчивости» татарского народа. Однако рассмотрев ряд других фактов, становится ясно, что объяснение последней кроется более глубоко.

Во-первых, с начала XX в. татары вступают в новую фазу своего развития. Это было время формирования в политическую нацию, время, когда татарское общество начинает пробовать себя на политической

сцене страны. Одну из главных ролей в этом, конечно же, сыграли революция 1905-1907 гг. и «Манифест 17 октября», предоставивший широкие возможности для активной деятельности в политической сфере страны. С рубежа XIX-XX вв. татарское общество показывает пример небывалой бурной активности во всех сферах жизнедеятельности. Начинается активное приобщение к достижениям мировой цивилизации. В татарском обществе сформировался целый ряд представителей интеллигенции, получивших европейское образование, познакомившихся с жизнью и опытом западных стран и стремившихся познакомить своих сородичей с культурными достижениями этих стран, расширить их кругозор, освободить от средневекового мировоззрения. Одной из главных задач для этих людей на тот момент было возрождение собственной национальной культуры, создание собственных произведений художественной литературы, организация книгопечатания. Так, если за 1851.-1900 гг. в Казани и за ее пределами было издано 3,2..3,3 тыс. книг, тиражом от 23,5 до 26,9 млн экземпляров¹², то за 1900-1917 гг. было издано 6,2-7 тыс. татарских книг, тиражом от 41,3 до 47 млн экземпляров¹³.

Татары в начале XX в. показывают себя как противники национальной замкнутости и религиозной ограниченности. И «миф о том, что татарское общество даже в начале XX века было закомлексованным, что народ в силу своей темноты вел затворнический образ жизни, "с порога" отвергал все европейско-христианское, русское и отличался религиозным фанатизмом, словом, будто татарский народ страдал исторически сложившейся закоруждостью и не помышлял "прорубить окно" к сокровищнице общечеловеческих ценностей»¹⁴ становится несостоятельным.

Во-вторых, в деле возрождения своей культуры татарами широко использовался опыт извне. Приобщение к мировой цивилизации стало одной из основных задач, которую татарская интеллигенция ставила перед собой на протяжении 1905-1917 гг.

И опыт, привносимый извне, имел огромное значение для татар. Одно из свидетельств этому можно найти в деятельности татарских политических организаций.

Так, с началом первой русской революции формируются ряд политических организаций. Организации «Шакирушек» («Молодежь») и союз «Хурият» («Свобода») под влиянием социалистических идей разлагаются, и из них выходят уже уралчылар во главе с И. А. Ахтямовым, Г. Терегуловым и Х. Ямашевым, тангчылар во главе с самим Г. Исхаки, а также Ф. Туктаровым и Ш. Мухамедьяровым и либеральная партия «Иттифак аль-муслимин» во главе с А.-М. Топчибашевым, Ю. Акчуриным и С. Максудовым¹⁵. Самой крупной политической организацией стала «Иттифак аль-муслимин» («Союз мусульман»), оформившаяся в результате трех всероссийских мусульманских съездов, прошедших в течение 1905-1906 гг.

И все эти три политические организации действовали в русле основных российских политических партий. Так, «Уралчылар» - социал-демократы, «Тангчылар» - эсеры, и даже «Иттифак аль-муслимин» первоначально действовала в согласии с программой конституционно-демократической партии. Это можно проиллюстрировать на примере решения вопроса о форме государственного устройства страны, предлагаемого этими организациями.

Так, «Иттифак аль-муслимин» в резолюции своего второго съезда, прошедшего 15-23 января 1906 г., постановил «...считать более целесообразным действовать солидарно с конституционно-демократической партией»¹⁶. Это означало, что как кадеты «Иттифак» видел будущее развитие страны в постепенном реформировании в духе «буржуазных реформ» и требовал установления парламентской конституционной монархии.

Целью же татарского национал - социализма, т. е. тангистов, провозглашается демократическая федеративная республика¹⁷.

И Х. Ямашев, лидер социал-демократов - уралчылар, основной задачей бур-

жуазно-демократической революции видел в установлении демократической республики¹⁸.

Таким образом, при создании на волне революционных событий 1905-1907 гг. татарских политических организаций был учтен и заимствован опыт российских политических партий. С одной стороны, это не удивительно - политика была новой сферой для татарского общества и опыта действия у него пока не было.

Однако, с другой стороны, стремление к заимствованию элементов иных культур характерно для татар и во многом другом. На это указывает и С. Н. Трубецкой на основе других фактов, а именно данных анализа строения языка. Так он пишет: «Тюрк (в число тюрков автор включал и татар. - С. М.) любит симметрию, ясность и устойчивое равновесие; но любит, чтобы все это было уже дано, а не задано, чтобы все это определяло по инерции его мысли, поступки и образ жизни: разыскивать и создавать те исходные и основные схемы, на которых должны строиться его жизнь и мирозерцание, для тюрка всегда мучительно, ибо это разыскивание всегда связано с острым чувством отсутствия устойчивости и ясности. Потому-то тюрки всегда так охотно брали готовые чужие схемы, принимали иноземные верования»¹⁹. «Тюрки, утверждает автор, - не дали исламу ни одного сколько-нибудь крупного богослова, юриста или мыслителя: они приняли ислам как завершенное данное»²⁰.

Еще в начале XX в. Ахмед Агаев в своей статье «Тюрк алами» («Тюркский мир») в журнале «Тюрк-юрду» указывал, что все более или менее заметные учения, появлявшиеся в мусульманском мире, в большинстве случаев основывались не тюрками, но именно последние всегда являлись их наиболее стойкими, горячими защитниками²¹.

Взглянем на историю татарского народа, по крайней мере с конца XVIII до начала XX в., и мы увидим, что опыт, привносимый с Востока или Запада, имел немалое значение.

Если возьмем мусульманский восток, то он определял духовную культуру татарского народа на протяжении длительного времени. Само возрождение мусульманской учености среди татар, начавшееся на рубеже XVII-XVIII вв., возглавлялось либо самими татарами, получившими образование в мусульманских странах, либо выходцами из мусульманских государств²².

Некоторые авторы указывают на такой момент, как заимствование некоторыми представителями татарской интеллектуальной элиты основных положений своих концепций из учений восточных мыслителей. Так, как указывает Г. Г. Идиятуллина в своей работе «Абу Наср курсави и среднеазиатские истоки татарской общественной мысли конца XVIII - начала XIX вв.», в содержании труда Курсави «ал-Иршад ли-л-'ибад» имеется ряд сходных моментов с «'Икд ал-джид» и «Худжат Аллах ал-балига», принадлежавших перу индийского мыслителя Шаха Валиаллаха, и многие ключевые положения, выдвинутые Курсави, перекликаются с основными идеями мыслителя. К тому же их объединяет и стремление приблизить священный текст к рядовому верующему ~ оба писали толкования к Корану на родном языке. В связи с чем Г. Г. Идиятуллина делает предположение об индийском влиянии на среднеазиатскую мысль, и возможности непосредственного заимствования, совершенном Курсави²³,

По утверждению А. Канлидера, Курсави во многом заимствовал свои идеи у Ниязколыя ат-Турекмени, принадлежавшего к реформаторскому крылу ордена «Накшбандийа муджаддийа». Курсави критиковал каламистов как наследников греческой философской традиции. Канлидер считает, что Курсави и Марджани черпали свои идеи в учении индийского шейха ордена Накшбандийа Ахмада Сирхинди (род. в 1625 г.), чьи идеи были распространены в Центральной Азии в XVIII - XIX вв.²⁴

Татарская поэзия середины XIX в. настойчиво ищет пути художественного

обогащения своего опыта. Развиваясь как оригинальная, она обращается к традициям поэзии древнего Востока. На основе лучших поэтических традиций восточной поэзии Кандагый создал оригинальные произведения о современной жизни татар. Абульманих Габдессалям-Каргалый был широко знаком с классической литературой Востока. В своих произведениях он упоминает Джалала Руми, в конце одного из стихотворений он заметил: «...эти строки я написал, подражая Фирдауси»²⁵.

Влияние арабо-мусульманских религиозных реформаторов конца XIX-XX вв. (Афгани, Абдо, ал-Кавакби) можно проследить и на другом примере. Так, они отвергали теократию как форму существования исламского государства. Они обосновывали свои «нововведения» иджитхадом. Все новое, заимствованное на Западе осмысливалось арабскими реформаторами и просветителями через ислам в привычных для них образах и понятиях. Интеллектуалы национального освобождения, прежде всего мусульманские реформаторы (Джамаладдин Афгани, Мухаммад Абдо), выступали за конституционализм и парламентаризм, за светскую и религиозную власть, демократические свободы, свободу печати и слова, идеализируя структуры западного буржуазного общества. Они пытались совместить европейские государственно-правовые формы власти с мусульманскими институтами и ценностями, т. е. приспособить ислам к достижениям цивилизации. Дж. Афгани призывал к созданию исламского единства, а не за использование Ислама как инструмента в борьбе против сторонников модернизации и конституционализма²⁶. Так и татарская национальная элита начала осознавать необходимость модернизации общественных институтов в сферах создания парламента, провозглашения конституции по образцу европейских государств при параллельном сохранении единства исламской уммы с ее догматикой и моральными основами. Именно в этом моменте можно говорить об интеллектуальном влиянии Джамалетдина Афгани,

Мухаммада Абдо, Рашида Рида и аль-Кавакби. Эти взгляды обозначали отход от традиционной исламской и османской концепции «миллета» как конфессионального традиционалистического автономного образования в пользу создания постоянно модернизирующейся нации европейского типа²⁷.

Таким образом, можно вести речь о заимствовании татарскими мыслителями основных положений своих концепций у восточных мыслителей. Говоря вообще о влиянии мусульманского Востока, необходимо указать, что татарское общество развивалось в его идеологическом русле. В начале в рамках исламизма, затем тюркизма, в дальнейшем широкое распространение получает национализм. Некоторые авторы выделяют их как исторические ступени кристаллизации татарской национальной идеи от общемусульманских и общетюркских корней к политизированной форме собственно национального самосознания²⁸.

С другой стороны, огромное влияние оказывала русская и западная культуры. Представители татарской интеллигенции пристально следили за «русской литературой и публицистикой, переводили и распространяли ее, публично выражали свою горячую любовь к Лермонтову, Пушкину, Ломоносову, Крылову, Тургеневу, Гоголю, Островскому, Достоевскому, Толстому, Чехову, Некрасову, Салтыкову-Щедрину, Горькому, Белинскому, Писареву...». Огромную роль в формировании взглядов татарских демократов и либералов сыграли В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, А. И. Герцен и др. Много из того, что содержится в идейном арсенале представителей татарской общественной мысли, напоминает высказанное ими в то или иное время²⁹.

Знание русского языка Хусаину Ямашеву позволило ознакомиться с произведениями таких русских революционных демократов, как Герцен, Белинский, Добролюбов, Чернышевский³⁰.

Г. Ибрагимов считал себя последователем В. Г. Белинского. Творчество Г. Тукая

«по объективному значению своих эстетических идей, по облику своей поэзии... во многом напоминает эстетику Белинского и Чернышевского и творчество Некрасова»⁴.

Велико было идейное и эстетическое воздействие романа «Отцы и дети» И. С. Тургенева на Ф. Амирхана, видевшего в русском писателе-просветителе человека, борющегося за уничтожение крепостного права и всех его позорных пережитков. В общем, влияние русской общественной мысли и литературы на татарских деятелей - Пушкина и Лермонтова на Тукая, Тургенева на Ф. Амирхана, Толстого и Белинского на Г. Ибрагимова и т. д. - убедительно показано в многочисленных научных статьях, трудах и книгах. Татарские мыслители, наряду с литературным наследием русских писателей, поэтов, усваивали в определенной мере и их мировоззрение".

Все эти разнообразные идейные влияния определили подход представителей татарской интеллигенции к решению вставших перед ними проблем общественной жизни.

Таким образом, перед нами вырисовывается совсем иная картина татарского общества начала XX в., нежели чем в XIX. В XIX в. татары представляли собой народ, ведущий замкнутую жизнь, препятствовавшую вхождению каких-либо нововведений. Народ, который в основе своей все христианское и русское воспринимал, как минимум, с недоверием, как максимум, с враждебностью, с чувством страха, уже в начале XX в. стал открытым, стремящимся к межкультурному диалогу этносом. Конечно, речь пока может идти лишь о части татарского народа, а именно в основе своей проживающего в черте городов. Однако здесь важно не количество, а качество, а точнее говоря, тенденция развития татарского общества.

Итак, если «малоизменчивость» татарского народа в XIX в. объяснялась его национальной замкнутостью и религиозной ограниченностью, его стремлением оградиться от новшеств, то как же обстоит дело

в начале XX в., когда татарский народ «раскрывается»? А дело обстоит так, что кардинальных изменений не происходит. И речь не о векторе развития (конечно же, татарское общество вступает в новую фазу своего развития), речь идет о «малоизменчивости» татарского народа. Независимо от того, что татары вступают в период интенсивного межкультурного взаимодействия, своего национального они не теряют, и, заимствуя элементы других культур, они не ассимилировались, не подстраивались под них, а, наоборот, подстраивали их под себя.

Значит, причина «малоизменчивости» татар не только в «замкнутости». В чем же тогда причина?

А причиной такому преемственному развитию татарского народа, мы считаем, послужил сам менталитет татарского народа. В частности, черта, которую С. Н. Трубецкой именовал как «*состояние устойчивого равновесия*».

«Типичный представитель туранской психики, - писал он, - в нормальном состоянии характеризуется душевной ясностью и спокойствием. Не только его мышление, но и все восприятие действительности укладывается само собой в простые и симметричные схемы его, так сказать, "подсознательной философской системы". В схемы той же подсознательной системы укладываются также все его поступки, поведение и быт. Притом "система" уже не сознается как таковая, ибо она ушла в подсознание, сделалась основой всей душевной жизни.

Благодаря этому нет разлада между мыслью и внешней действительностью, между догматом и бытом. Внешние впечатления, поступки и быт сливаются в одно монолитное неразделимое целое. Отсюда - ясность, спокойствие и, так сказать, самодовление. Практические это *состояние устойчивого равновесия* при условии некоторой пониженной психической активности может привести к полной неподвижности, к косности»³³. Что и происходит с татарским народом через некоторое время после вхождения его в состав России. Однако эта

же черта вполне соединима и с психической активностью. Устойчивость и стройность системы не исключают дальнейшего творчества³⁴. Что мы и наблюдаем в начале XX в.

Таким образом, такие разные состояния, как «замкнутость» и «открытость», в нашем случае являются лишь внешним про-

явлением одной черты, а именно «состояния устойчивого равновесия». Благодаря этой черте татары проявляли «малоизменчивость», подстраивая под себя все те элементы других культур, которые они заимствовали. Перерабатывая, они делали эти элементы своими, и развивали их в дальнейшем уже в своем русле.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Фукс К. Казанские татары в этнографическом и статистическом отношениях. Казань, 1884. С. 14.
- ² Ауновский В. Историко-статистическое описание Симбирской губернии. Симбирск, 1868. С. 22.
- ³ Лаптев. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Казанская губерния. СПб., 1861. С. 231.
- ⁴ Коблов Я. Д. О татаризации инородцев Приволжского края. Казань, 1910. С. 3.
- ⁵ Знаменский П. Казанские татары. Казань, 1910. С. 32.
- * Сперанский А. Казанские татары (историко-этнографический очерк). Казань, 1914. С. 30.
- ⁷ Ауновский В. Указ. соч. С. 22; Знаменский П. Указ. соч. С. 32; Лаптев. Указ. соч. С. 231; Коблов Я. Д. Указ. соч. С. 4.
- ⁴ Татары Ср. Поволжья и Приуралья / Ответ, ред. Н. И. Воробьев и Г. М. Хисамутдинов. М.: Наука, 1967. С. 313-314; Народы Поволжья и Приуралья / Ответ, ред. Р. Г. Кузеев. М.: Наука, 1985. С. 226.
- ⁴ Мухаметшин Р. Исламский фактор в общественном сознании татар (XIV-XX вв.) // Татарстан, 1994. № 3-4. С. 121.
- ¹⁰ Ибрагим Т. К., Султанов Ф. М., Юзеев А. Н. Татарская религиозно-философская мысль в общемусульманском контексте. Казань: Татар, кн. изд-во, 2002. С. 100.
- " Идиятуллина Г. Г. Абу Наср курсави и среднеазиатские истоки татарской общественной мысли кон. 18 - нач. 19 вв: (по материалам трактата «ал-иршадли - л - ибад»): Дис. на соис. учен, степени канд. ист. наук. Казань, 2001. С. 181.
- ¹² Каримуллин А. Татарская книга в пореформенный период. Казань, 1983. С. 155.
- ¹³ Каримуллин А. Татарская книга начала XX века. Казань, 1974. С. 243.
- ¹⁴ Амирханов Р. Указ. соч. С. 12.
- ¹⁵ Исхаков С. Вопросы истории тюркских народов первой четверти XX века в неопубликованных трудах Мухаммедгаяза Исхаки // «Гасырлар авазы - эхо веков». 2000. № 3/4. С. 33.
- " Второй всероссийский съезд мусульман. Резолюция: Материалы и документы по истории общественно-политического движения среди татар (1905-1917 гг.) / Сост. Р. Р. Фахрутдинов. Казань, 1992. С. 16.
- ¹⁷ Хабутдинов А. Ю. Татарское общественно-политическое движение в первой четверти XX века. Дис. на соис. учен, степени канд. ист. наук. Казань, 1996. С. 36.
- ¹⁸ Хасанов Х. Х. Революционер-интернационалист. Жизнь и деятельность большевика Хусаина Ямашева. 2-е изд., доп. Казань, Татар, кн. изд-во, 1981. С. 124.
- ¹⁹ Трубецкой С. Н. О туранском элементе в русской культуре // Этнографическое обозрение. 1992. № 1. С. 99.
- ²¹ Там же.
- ²¹ Пантюркизм в России (Из журнала «Мир Ислама» за 1913 г.) // Азия и Африка сегодня. 1992. № 7. С. 58-60.
- ²² Хабутдинов А. Ю. Формирование нации и основные направления развития татарского общественного движения в конце XVIII - начале XIX в. Казань, 2001. С. 70-71.
- ²³ Идиятуллина Г. Г. Указ. соч. С. 177.
- ²⁴ Хабутдинов А. Ю. Формирование нации и основные направления развития татарского общественного движения в конце XVIII - начале XIX в. Казань, 2001. С. 80-81.
- ²⁵ Гайнуллин М. Х. Татарская литература XIX века. Казань, 1975. С. 82, 93.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

---

* *Ибрагим Т. К., Султанов Ф. М., Юзеев А. Н.* Указ. соч. С. 159.

¹² *Хабутдинов А. Ю.* Формирование нации и основные направления развития татарского общественного движения в конце XVIII - начале XIX вв. Казань, 2001. С. 147

²⁸ *Ибрагим Т. К., Султанов Ф. М., Юзеев А. Н.* Указ. соч. С. 145.

¹⁴ *Абдухчин Я. Г., Фасеев К. Ф.* Н.Г. Чернышевский и татарская общественная мысль. Казань: Татарское изд., 1978. С. 52, 54.

^{3,1} *Хасанов Х. Х.* Революционер-интернационалист. Жизнь и деятельность большевика Хусаина Ямашева. 2-е изд. доп. Казань: Татар, кн. изд-во, 1981. С. 32; Хусаин Ямашев. Казань, 1954. С. 28.

³¹ *Пехтелев И.* Эстетические идеи в поэзии Г. Тукая. Казань, 1946. С. 20.

³² *Султанов Ф. М.* Указ. соч. С. 59.

³⁵ *Трубецкой Н. С.* Указ. соч. С. 102.

³⁴ Там же.